

КОЛЛЕКЦИОНЕР КАК АКТОР КУЛЬТУРЫ: ОТ ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ К НОВЫМ ФЕНОМЕНАМ. ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВ: КОЛЛЕКЦИОНЕР, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ. 1970–1990-е. ЧАСТЬ 1

Статья посвящена описанию и анализу процессов первичной институционализации и легитимации аутсайдерского искусства и ар брютта в контексте отечественной культуры в период 1970–1990-х годов. В реализации обозначенных процессов важную роль играют коллекционеры, становящиеся ключевыми акторами культурного процесса. Цель статьи – выявление специфики дискурса аутсайдерского искусства и особенностей его формирования в деятельности коллекционеров, а именно Владимира Гаврилова. Теоретической основой исследования является теория дискурса, ключевой методологией – дискурс-анализ с использованием биографического метода. В ходе исследования выявлено, что в ситуации с формированием дискурса аутсайдерского искусства (и различных близких ему феноменов: творчества душевнобольных, ар брютта) в отечественной культуре, «поверхностями возникновения» является поле психиатрической практики (аналогично процессам сложения указанных феноменов в зарубежной культуре в период 1910–1920-х годов) и деятельность коллекционеров, ведущих культуртрежерскую, исследовательскую и просветительскую работу (аналогично процессам зарубежной культуры 1940–1970-х годов). Исследование деятельности психиатра, коллекционера, исследователя и просветителя Владимира Гаврилова позволяет сделать вывод о закономерностях сложения дискурса аутсайдерского искусства (и различных и близких ему феноменов: творчества душевнобольных, ар брютта) в отечественной культуре, но также позволяет выявить специфику, обусловленную социокультурной ситуацией советской и российской культуры.

Ключевые слова:

ар брютт, аутсайдерское искусство, Владимир Гаврилов, институционализация, коллекционирование, легитимация, творчество душевнобольных.

Суворова А.А. Коллекционер как актор культуры: от личной истории к новым феноменам. Владимир Гаврилов: коллекционер, исследователь, просветитель. 1970–1990-е. Часть 1 // Общество. Среда. Развитие. – 2020, № 3. – С. 55–59.

© Суворова Анна Александровна – гандидат искусствоведения, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь; e-mail: suvorova_anna@mail.ru

---

На протяжении всей истории различных феноменов «странного искусства» – творчества наивов, душевнобольных, аутсайдеров – коллекционеры были одними из главных акторов процесса легитимации и первичной институционализации. Они формировали эти феномены, часто становясь в своем роде самостоятельными арт-институциями, ведя работу по собиранию произведений, исследованию и популяризации творчества отдельных художников и целых явлений искусства. Значимость фигуры коллекционера сложно переоценить в ситуации сложения феномена отечественного аутсайдерского искусства на современном этапе: в период 1980–1990-х годов в СССР/России начинают формироваться наиболее важные частные коллекции аутсайдерского искусства: собрания Владимира Абакумова (Музей творчества аутсайдеров), Ксении Богем-

ской – Алексея Турчина, Владимира Гаврилова и др.

Активная работа коллекционеров катализирует процессы институционализации и легитимации аутсайдерского искусства в России. В формировании дискурса искусства аутсайдеров в России в 1990-е годы ведущей «инстанцией разграничения» (если следовать терминологии Мишеля Фуко) становятся коллекционеры [17; 19; 20], апеллирующие к авторитетным для данного дискурса, зарубежным исследователям и представителям специализированных арт-институций и психиатрических учреждений, а также к научным и научно-популярным изданиям. Также идут процессы самоинституционализации: формируются частные собрания и коллекции, владельцы которых ведут активную просветительскую, исследовательскую и общественную деятельность.

Роль личности в развитии специфических, порой радикальных феноменов искусства, описана и проанализирована в случае с историей Ханса Принцхорна – исследователя и коллекционера искусства душевнобольных, Жана Дюбюффе – «отца» ар брютта [18; 22]. Но история сложения корпуса аутсайдерского искусства в отечественной культуре обозначена лишь пунктирами и нуждается в дальнейшем изучении и осмыслении [17; 19].

Феномен творчества аутсайдеров (важно сделать оговорку, что в современных научных подходах и институциональной практике в это поле включается также и творчество людей с ментальными особенностями) в отечественной культуре был актуализирован в исследованиях психиатров в пе-яриод 1920-х (П. Карпов) [14–16] и 1970–1980-х годов (Э. Вачанадзе и др.) [4–7]. Эта близко ситуации первичного изучения и институционализации творчества душевнобольных в Европе (Х. Принцхорн, В. Моргенталер) [23; 24].

История психиатра, коллекционера, исследователя Владимира Вячеславовича Гаврилова (род. 1955) отчасти имеет близкие повороты с историей Ханса Принцхорна, но обладает индивидуальной спецификой, сопряженной с советским, а позже и российским социокультурным контекстом. За последние десятилетия Владимир Гаврилов собрал коллекцию искусства аутсайдерского искусства ИНЫЕ, которая сегодня включает более 5000 объектов психопатологического, спонтанного арт-терапевтического (визуального и эпистолярного) творчества 150 отечественных и зарубежных авторов [2], организовал несколько десятков выставок аутсайдерского искусства и ар брютта в России и за рубежом, стал инициатором и организатором десятков научных и научно-популярных мероприятий, написал несколько десятков статей и других научных и научно-популярных изданий [1; 3; 9–13].

Начало истории

Владимир Гаврилов – психиатр по образованию, специалист с почти сорокалетним стажем работы. Но интерес к искусству и творческому процессу у Владимира появился раньше выбора карьеры психиатра. Это имело свои предпосылки: в «преподавательской» семье будущего коллекционера и исследователя аутсайдерского искусства и ар брютта царил атмосфера творчества и интеллектуального поиска. На книжных полках были книги брата – одного из лидеров отечественного джа-

зового движения, альбомы Василия Кандинского, Пауля Клее, Сальвадора Дали, многочисленная литература об искусстве модернизма и современной музыке. Как вспоминает Владимир Гаврилов, «Память хранит заинтриговавшие меня термины, услышанные от брата, которым нас не обучали даже в английской школе: бит, поп, кул-джаз, госпелслз, соул, невесть откуда появившаяся – “сублимация”, какие-то “автоматизмы”, вперемешку с названиями: экспрессионизм, дадаизм, сюрреализм... Я пытался понять художественные эксперименты М. Дюшана, С. Дали, “бессознательное” З. Фрейда, арт-эксперименты запредельных состояний А. Бретона» [8]. Упомянутая в воспоминаниях Владимиром Гавриловым книга, из которой почерпнуты все эти сведения, – известное среди любителей нового искусства издание «Модернизм: анализ и критика основных направлений» (1969).

Творчество было важной частью жизни дома Гавриловых: старший брат во многом инспирировал эту творческую атмосферу. Владимир лепил, разрисовывал бесцветные конверты пластинок фирмы «Мелодии», рисовал школьные стенгазеты, которые отличались от «пионерско-комсомольского» стандарта. В этих картинках Гаврилов подражал Фернану Леже, имея идеологически выдержанное «алиби»: «Леже – член коммунистической партии» [8]. Но, помимо стенгазет, будущий коллекционер аутсайдерского искусства занимался рисованием «на вольные темы», стараясь имитировать западных авангардистов, «какие-то эскизы уходили в стол, удачные юмористические – отходили к друзьям» [8]. Тяга к творчеству проявлялась и позже, в годы студенчества: Владимир участвовал в создании джаз-, рок-, студклубов, помогал в проведении всех джаз-фестивалей, писал статьи о рок-фестивалях, посещал клуб любителей кино и клуб самодеятельной песни.

Дом Гавриловых был также и странством коллекционирования: отец страстно собирал отец значки, марки, медали, фотокарточки, мама – художественную литературу, старший брат – пластинки. Эта тяга к коллекционированию была позже унаследована и сыном.

Выросшему в такой интеллектуальной, творческой семье, Владимиру, виделась его будущая профессия как что-то связанное с творчеством и наукой: «[...] я фантазировал о работе историком, задумывался о романтике археолога, реставратора (музеолог – такой профессии мы не знали)» [8].

Но выбор пал на более прагматичную, «реальную» профессию, в 1972 году Гаврилов поступает в Ярославский государственный медицинский институт (ЯГМИ). Но, по воспоминаниям психиатра, все время учебы его намного больше интересуют темы и дисциплины, связанные с философией и «буржуазными» теориями – фрейдизмом и неофрейдизмом.

Атмосфера ЯГМИ, равно как и других советских вузов в то время, не располагала к вольнодумству: «На семинарах, разбирая борьбу мировоззрений, нас учили не оставлять свободных мест для глубоких размышлений, сомнений, компромиссов» [8]. Дискуссии исключались в духе традиционной для эпохи застоя риторики: «Вы что – буржуазный заступник?» [8] «Запретительный дискурс» советской идеологии эпохи застоя функционировал и в поле психиатрии. Система запретов была зафиксирована и клиширована научными и научно-популярными изданиями того времени, среди которых коллекционер называет наиболее ему запомнившиеся: Ю.П. Лисицин «Современные теории медицины» (1968); Ф.В. Баскин «Проблема бессознательного» (1968); «Критический анализ некоторых теорий и концепций в медицине буржуазных стран» (1972); Б.Я. Смулевич «Критика буржуазных медико-социологических теорий» (1973); К.Е. Тарасов, М.С. Кельнер «Критика буржуазной философии в медицине» (1976). Оригинальных текстов «буржуазной философии в медицине», источников практически не было, поощрялась лишь их критика. Но эпоха застоя «изобретает» систему уклонения от довлеющего идеологического дискурса [21]. По воспоминаниям самого Владимира Гаврилова, «Привыкший к красным флажкам запретов, я с легкостью перенес идеологически незрелые “рок/джаз-филии”, да и “фрейдфобию» [8].

Психиатрия и начало увлечения творчеством душевнобольных

Начало специализации, вхождения в профессию начинается у Владимира Гаврилова в конце 1970-х годов (сам коллекционер и исследователь называет 1977 год). Этот период является важным с точки зрения сближения поля психиатрии и искусства, интереса к психопатологической экспрессии. В 1970-е годы в советской психиатрии актуализируется тема творчества душевнобольных, рисунки пациентов начинают рассматривать не только как как средство диагностики психических заболеваний, но и феномен,

связанный с искусством. В качестве «элементов сближения» советские психиатры используют сопоставление творчества душевнобольных с различными феноменами искусства, ключевым из которых является сюрреализм [5–7]. Но, тем не менее, в этих передовых для советской науки работах лексика и подходы анализа являются частью психиатрического дискурса.

В Ярославском государственном медицинском институте в те годы кафедре психиатрии возглавлял легендарный советский ученый д.м.н., профессор Леонид Константинович Хохлов. Как вспоминает Владимир Гаврилов, «Он великолепно читал 4-х часовые (сдвоенные) лекции, на которые студенты-оболтусы, интересующиеся скорее нелепостями душевнобольных, “бронировали” билеты в партер» – т.е. рассаживались на первые ряды казенной больничной аудитории» [8]. Именно на этих лекциях Гаврилов впервые узнал о различных формах психопатологической экспрессии, которые, как это принято в медицинских вузах, сопровождалось клиническим разбором пациентов. Среди них Гаврилов особо отмечает «Академика Солнца» Михаила Калякина, рисунки которого впоследствии были включены в коллекцию «ИНЬЕ», а сам случай описан исследователем.

Тогда же, в самом начале курса по психиатрии, Владимиру и его однокурсникам показали кафедральный «Альбом творчества душевнобольных», материалы которого собирались сотрудниками кафедры психиатрии ЯГМИ. Эти изображения поразили студента: «Дух захватывало от сюжетов простеньких карандашных рисунков или вырезанных фрагментов цветных учебных иллюстраций, представленных по теме нарушения восприятия и мышления» [8]. Там же на кафедре психиатрии, Гаврилов «заполучил» в качестве «дополнительных материалов» «толстые школьные тетради с эпистолярным творчеством душевнобольных: стихи, воззвания, рационалистические предложения, жалобы...» [8]. Все это стало поворотным моментом для личной истории Владимира Гаврилова, с которого интеллектуальные и творческие ресурсы на тот момент еще будущего исследователя и коллекционера стали сосредоточены именно на осмыслении психопатологической экспрессии.

Как констатирует в своих воспоминаниях сам Владимир Гаврилов, для него понимание специфики и сути этих материалов складывалось не сразу, и это объяснимо. В контексте исследований советских

психиатров «продукты» психопатологической экспрессии длительное время рассматривались как материал диагностики заболеваний. Интерпретации искусства душевнобольных, ар брита в то время еще находились далеко, «за железным занавесом», книги и зарубежные выставки были недоступны.

Но важен интерпретативный фрейм психопатологической экспрессии, который «кулуарно» существовал в советской психиатрии в конце 1970-х годов (и практически не был обнаружен в публикациях). Впечатленному студенту казалось, что именно психопатология, подобие психоделии, «[...] являлась волшебным эликсиром “безумства храбрых”, неким допингом, привносящим пафос переживаний [...] “Сумасшедшие – вариант таланта, гениальности!”» [8]. Это восприятие было обусловлено тем, что по преимуществу преподаватели стремились показать студентам исключительные случаи, психиатрических пациентов, которые обладали изначальной одаренностью, больных с особенной судьбой и оригинальным стилем мышления. Но в восприятии неискушенных студентов возникало ощущение, что безумие чуть ли не «автоматически» является спутником гениальности: «Для студентов любые переживания душевнобольного выглядели необычными, уникальными, а для опытных врачей, немало повидавших в клинике, психозы воспринимаются скорее обыденно, банально» [8].

Все эти впечатления и знания окончательно сформировали выбор студента-медика: «Только психиатрия!». Помимо прохождения клинической ординатуры на кафедре психиатрии ЯГМИ при Ярослав-

ской областной клинической психиатрической больнице (1982–1984), Гаврилов также учился в аспирантуре (1984–1987) под руководством уже упомянутого Л.К. Хохлова.

Важно отметить, что для периода 1970-х годов преподавание психиатрии в ЯГМИ было достаточно новаторским. Преподаватели обращались к исследованиям западных ученых. Владимир Гаврилов вспоминает лекции доцента Льва Николаевича Савельева, посвященные шизофрении. Савельев, говоря «о бездонном креативном мире больных шизофренией», обращался к исследованиям польского психиатра Антона Кемпинского. Эти лекции, по словам Гаврилова, отличались от подходов традиционных биологических подходов к психопатологии, «уделяя внимание постижению экзистенциальных переживаний нездорового человека» [8].

В конце 1970-х – начале 1980-х годов Владимир Гаврилов читает книги по эстетике и искусству, написанные советскими критиками и философами (Н.Я. Малахов «О модернизме» (1975); И.С. Куликова «Философия и искусство модернизма» (1980); А.В. Кукаркин «По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология» (1981) и др.), и отмечает «пугающее сопоставление психопатологической экспрессии и манеры художников-авангардистов, как иронически сам он высказывается об этих упрощенных идеологизированных аналогиях, имеющие «несвежий запах выставок “Дегенеративного искусства”» [8]. Об этом сопоставлении пишет также в своих исследованиях 1970-х годов и другой советский психиатр, изучающий психопатологическую экспрессию, Э.А. Вачанадзе [5–7].

Библиография

- [1] Азов А.В., Гаврилов В.В. Хронология интереса к искусству аутсайдеров. Искусство аутсайдеров: путеводитель. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://medpsy.ru/comments/comments070.php> (19.12.2019)
- [2] Арт-проект ИНЫЕ. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://medpsy.ru/comments/comments063.php>
- [3] Аутсайдер арт: коллекция «ИНЫЕ» / В.В. Гаврилов; науч. ред. А.В. Азов. – М.: Городец, 2017. – 504 с.
- [4] Болдырева С.А. Рисунки детей дошкольного возраста, больных шизофренией. – М.: Медицина, 1974. – 157 с.
- [5] Вачанадзе Э.А. К вопросу сходства патологического художества с современным декадентским искусством // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. II. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – С. 671–679.
- [6] Вачанадзе Э.А. О некоторых особенностях художества душевнобольных и сюрреалистического искусства. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 30 с.
- [7] Вачанадзе Э.А. Рисунки детей, больных шизофренией и эпилепсией. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – 50 с.
- [8] Воспоминания Владимира Гаврилова. 30 июня 2020 года. – Архив В.В. Гаврилова.
- [9] Гаврилов В.В. Аутсайдер арт и своеобразие визуальных документов «психиатрического опыта» // Медицинская психология в России: электрон. науч. журнал. – 2012. – № 2. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://medpsy.ru> (09.12.2019)

- [10] Гаврилов В.В. Павел Иванович Карпов – неутомимый исследователь творчества душевнобольных и его время. Сообщение 1 // Медицинская психология в России: электрон. науч. журнал. – 2013, № 1 (18). – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://mprj.ru/archiv_global/2013_1_18/nomer/nomer16.php
- [11] Гаврилов В.В. Павел Иванович Карпов – неутомимый исследователь творчества душевнобольных и его время. Сообщение 2 // Медицинская психология в России: электрон. науч. журнал. – 2013, № 4 (21). – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.mprj.ru/archiv_global/2013_4_21/nomer/nomer07.php (02.08.2019)
- [12] Гаврилов В.В., Реховских И.И. Искусство аутсайдеров: некатегоричность категорий // Феномен наивного искусства и творчества аутсайдеров в наши дни и его проблемы. – М.: Изд. ГУК Музей наивного искусства, 2004. – С. 233–239.
- [13] Искусство аутсайдеров: путеводитель. / под ред. В.В. Гаврилова. - Ярославль, ИНЫЕ, 2005 – 104 с.
- [14] Карпов П.И. Бытовое эмоциональное творчество в древнерусском искусстве. – М.: Изд-во Гос. истор. музея, 1928. – 112 с.
- [15] Карпов П.И. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. – Л.: Государственное издательство, 1926. – 200 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.medklassika.ru/karпов_1926/ (07.06.2019)
- [16] Карпов П.И. Творчество заключенных: Рисунки, скульптура и работы мастеровских. – М.: Изд-во Нар. ком. внутр. дел, 1929. – 81 с.
- [17] Суворова А.А. Аутсайдерское искусство в России: тенденции, темы, образы. – М.: Городец, 2020. – 200 с.
- [18] Суворова А.А. Деятельность Жана Дюбюффе и дискурс ар брьюта // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2019, № 3. – С. 118–131.
- [19] Суворова А.А. Дискурс аутсайдерского искусства в России (1980–1990-е гг.) // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. – 2019, № 4 (6). – С. 75–82.
- [20] Фуко М. Археология знания / Пер. с франц. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – СПб.: «Гуманитарная Академия»; «Университетская книга», 2004. – 416 с.
- [21] Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. – М.: Новое лит. обозрение, 2014. – 661 с.
- [22] MacGregor J.M. The discovery of the art of the insane. – Princeton: Princeton University Press, 1989. – 390 p.
- [23] Morgenthaler W. Madness and art: the life and work of Adolf Wolfli. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1992. – 156 p.
- [24] Prinzhorn H. Artistry of the mentally ill. – N.Y.: Springer-Verlag. 1972. – 274 p.